

Мария Медникова

Вместилище духа

История трепанации в разных культурах

История и наука Рунета

Мария Медникова

**Вместилище духа. История
трепанации в разных культурах**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 903
ББК 63.5

Медникова М.

Вместилище духа. История трепанации в разных культурах /
М. Медникова — «Издательство АСТ», 2023 — (История и наука
Рунета)

ISBN 978-5-17-154686-1

В 1897 году французский военный врач похитил очень ценный артефакт из селения Таберга. Это был череп человека, на котором целители берберского племени из поколения в поколение демонстрировали свой навык трепанирования при «профессиональной инициации». С позиций современной научной этики этот поступок выглядит плохо, хотя так стало известно о сложных навыках и ритуалах в обществе традиционной культуры, уходящих корнями в глубокое прошлое. Человеческая культура с древних времен полна тайн и загадок, не все из которых раскрыты. И все же интересно посмотреть на историю наших предков через... «дырку в голове». Трепанация была частью сложных обрядов погребения, из трепанированных черепов создавали маски, некоторые племена хранили головы убитых врагов в собственных домах! Почему народные знахари-целители и сегодня востребованы в обществе? Насколько успешными были операции на своде черепа в каменном веке? Неужели антисептики придумали еще в Древнем мире? И почему трепанация (самая ранняя хирургическая операция в истории человечества) имела важное значение в жизни наших предков? На эти и многие другие вопросы ответит книга доктора исторических наук Марии Медниковой «Вместилище духа. История трепанации в разных культурах». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 903

ББК 63.5

ISBN 978-5-17-154686-1

© Медникова М., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Медникова
Вместилище духа

История трепанации в разных культурах

Исследование проводилось в Институте археологии РАН в рамках темы НИОКТР № 122011200264-9.

© Медникова М. Б., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Предисловие

«— ...Вы знаете, что тартары делают дырки в голове у людей?

— Конечно. Тысячи лет уже делают. В Тунгусской кампании мы захватили живьем пять тартар, и у троих были дырки в черепе. У одного даже две.

— Они и друг другу их делают?

— А как же. Сперва надрезают кожу по кругу на голове, чтобы поднять лоскут и открыть череп. Потом вырезают кружок из черепа, очень аккуратно, чтобы не задеть мозг, потом зашивают кожу.

— Я думала, они делают это с врагами!

— Ну что ты! Это большая привилегия. Чтобы боги могли с ними говорить».

В этом отрывке из популярной «сказки для взрослых» современного английского писателя Филипа Пулмана «Северное сияние», как ни странно, заключена квинтэссенция нашей книги.

Нет на карте мира мистической страны Тартарии, так же как нет в природе бронированных медведей и многих других загадочных существ (Рис. 1). Но были в истории человечества таинственные цивилизации, описание обычаев которых может послужить сюжетом не для одного фантастического романа. История ушедших народов известна нам далеко не полностью. Изучая более близкие нам периоды, мы можем опираться на письменные источники. Но письменность – довольно позднее изобретение, и более ранние эпохи возможно постичь лишь производя археологические раскопки. С археологией тесно связана палеоантропология – наука о древнем человеке, представители которой посвящают свою жизнь изучению найденных при раскопках человеческих костей. Ее особая отрасль – палеопатология – изучает болезни древних людей (ведь многие заболевания возникли далеко не сразу) и архаические методы лечения. Научные занятия палеоантропологов и палеопатологов имеют непосредственное отношение к теме этой книги.

Рис. 1. На самом деле страна Тартария существовала – в представлении средневековых европейцев. И географическое положение этой загадочной страны в значительной мере совпало с территорией современной России. Это хорошо видно на карте, составленной в XVII веке Исаком Тирионом в Амстердаме и помещенной в пятом томе венецианского издания «Istoria

moderna». Как писали французские историки Э. Лависс и А. Рамбо, в Европе долго было в моде считать самих русских монголами и татарами.

Она посвящена довольно неожиданному и загадочному аспекту деятельности древнего человека – самым ранним хирургическим операциям. Поразительно, но эти древнейшие операции принадлежат к числу самых рискованных по сей день воздействий на организм человека – это трепанации черепа (краниотомии).

Самое раннее письменное упоминание о трепанации содержится в сочинении Гиппократов «О ранах головы», где подробно описаны швы и кости черепа, их свойства в разных местах, шесть главных видов травм и показания к трепанации.

Научный в современном понимании интерес к трепанациям древности возник только во второй половине XIX века, когда впервые совершались громкие археологические открытия. Сперва американский дипломат Е. Г. Сквайер нашел древний трепанированный череп в Перу и послал его на экспертизу крупнейшему специалисту того времени – французскому антропологу Полю Броку (Рис. 2, 3). Позже сенсационные находки были сделаны уже в самой Франции. Археологи раскопали несколько сотен трепанированных черепов и еще вырезанные из них пластинки, и не где-нибудь, а в слоях нового каменного века!

Рис. 2. Поль Брока (1824–1880).

Рис. 3. Инкский череп из Куско, с которого началось исследование трепанаций древности.

«Я имею честь представить Академии древний перуанский череп, трепанированный при жизни субъекта способом полностью отличным от использовавшегося в европейской хирургии.

Трепанирование – древнейшая хирургическая практика. Она упоминалась Гиппократом, который описывал ее как рутинную операцию. Но ее происхождение остается неясным. Почти как сегодня, древние греки трепанировали пилой коронообразной формы. Ничто не указывает на то, что греки или их предки проводили операцию другими методами. Но на черепе из Перу она проведена иссечением прямоугольного фрагмента...» (из речи П. Брока перед членами Французской Академии медицины).

Уже в 1877 году Поль Брока разработал классификацию древних операций на своде черепа человека, которая и в наши дни сохранила свое значение. Он предположил, что трепанация черепа производилась иногда на живых субъектах, для их излечения от некоторых болезней типа истерии, эпилепсии, нервных конвульсий – «болезней, причина коих приписывалась существующей в голове и приписывалась особому духу, там поселявшемуся. Искусственное отверстие, проделываемое в черепе, имело целью дать выход этому духу и тем способствовать освобождению субъекта от болезни... Любопытно, однако, что некоторые из таких трепанированных черепов выказывают кроме отверстия, сделанного при жизни, еще другие, вырезанные, очевидно, после смерти». По мысли П. Брока, люди, страдавшие нервными расстройствами и оперированные при жизни, считались одаренными особыми свойствами. Череп

воспринимался как вместилище духа, и когда такой человек умирал, у соплеменников возникало желание воспользоваться в религиозных целях частями его краниума.

Первоначально приоритет в изучении трепанирования принадлежал врачам и антропологам. С последующей дифференциацией наук о человеке исследование этого явления перешло в сферу деятельности палеопатологов. Но в какой-то момент, после накопления большого количества фактов, стало ясно, что трепанации в древнем мире – не только медицинский феномен, и что понять его в полной мере без привлечения данных самых разных гуманитарных наук невозможно.

Где и когда возникли навыки трепанирования? Кому и в каких случаях делали операции? С какими другими культурными явлениями были связаны такие процедуры? На эти вопросы мы и попытаемся ответить.

Давным-давно, в 2004 году я опубликовала книжку под названием «Трепанации в древнем мире и культ головы». Я благодарна издательству «АСТ» за предложение переиздать ее спустя столько лет. Но, когда дело дошло до работы с текстом, стало ясно, какое мощное развитие получило это научное направление за минувшие годы. Возникли новые отрасли знания, такие как палеогеномика, изучающая древнюю ДНК. Это позволяет наиболее объективно оценить вопросы происхождения разных групп людей и их связи между собой. Благодаря разработке методов датирования археологических объектов уточнились и изменились наши знания о хронологии ушедших культур. Новые раскопки позволили выявить большое число случаев хирургического вмешательства в прошлом, в том числе, на территории России. В арсенал палеопатологов, изучающих трепанации и болезни древнего населения, прочно вошли современные методы радиологии. Например, компьютерная томография и микрофокусная рентгенография стали рутинными процедурами, и они позволяют судить о причинах трепанирования и о течении послеоперационного процесса.

Наконец, за это время я сама получила возможность исследовать уникальные материалы из коллекций знаменитых музеев. В результате был описан древнейший случай трепанации эпохи верхнего палеолита с территории России и сотни трепанаций с территории Франции, выполненных от эпохи неолита до раннего Средневековья. В итоге – перед читателем сильно дополненная и исправленная книга, получившая от издательства новое название.

Исследование проводилось в Институте археологии РАН в рамках темы НИОКТР № 122011200264-9.

Глава 1

Становление человеческой психики

Предпосылки и причины трепанирования

Знали ли древние психологию? – Философские критерии, отличающие человека разумного. – История неврозов. – Мифология – коллективная психика. – Колдуны и знахари – первые профессионалы на общественной службе. – Опыт изменения сознания: берсерки, шаманы, греческие мистерии, скифы, зороастрийцы, средневековые ведьмы. – Трепанация – еще один способ манипулировать сознанием? – Последствия разных травм головы. – «Археология смерти и погребального обряда». – Первые альтруисты. Жертвенные ритуалы в мифах народов мира. – Карнавальная культура. – Военная магия. – Тело человека в традиционной культуре. – Культ головы. – Где скрываются истоки ритуалов?

Со времен глубокой древности человека не оставляло стремление познать собственную душу. Уже самые ранние представители нового биологического вида – человека разумного – были способны делать выводы, наблюдая за поведением своих соплеменников в разных условиях (например, при физических или психических травмах). Наш древний предок обладал более развитыми аналитическими и прогностическими способностями по сравнению с другими приматами, до сих пор живущими инстинктами. Вероятно, здесь положительным образом сказалось «активное начало», свойственное нашим предшественникам – гоминидам нижнего и среднего палеолита, которые были умелыми охотниками.

Попытки человека понять свои поступки неизбежно привели к мощному социальному развитию. Вместе с умением изготавливать и применять орудия, владением символической и языковой коммуникацией одним из важных философских критериев, отличающих *Homo sapiens* от предшественников, становится осознание собственной смертности и, как следствие, возникновение обрядов погребения. Тут уместно вспомнить слова Вольтера: «Человеческая раса единственная, которая знает, что должна умереть, и знает это только исходя из собственного опыта». Или процитировать популярную книжку Г. Ш. Чхартишвили: «Окончательный рывок был сделан, когда недо-сапиенс осознал, что обладает свободой выбора: может стоять на скале и смотреть сверху вниз, а может лежать под скалой и никак не реагировать на происходящее вокруг». Осознав бренность своего существования, человек начал проявлять интерес к состояниям сна и безумия. Недаром одно из самых универсальных представлений – это душа, покидающая тело во время сна. Поэтому во многих традиционных культурах спящего ни в коем случае нельзя будить. По представлениям древних, спящий, особенно уснувший под воздействием «волшебных» снадобий, совершал путешествие в иной, загробный мир, так что сновидения, которые оставались в памяти при пробуждении, считались вещими. Они воспринимались как священные послания ушедших предков. Наверное, не случайно мы до сих пор большое значение придаем толкованию снов.

Многих ученых волнует вопрос: не боялись ли самые древние люди покойников? Может быть, из этого древнего страха проистекает культ предков, а обряды погребения направлены на «обезвреживание» мертвеца, который мог ожить?

На наш взгляд, применительно к древнейшим людям проблема существования страха перед усопшим сильно преувеличена. Если подобная боязнь наблюдается у некоторых исто-

рических и современных народов, она вполне может иметь значительно более позднее происхождение.

В противном случае наш далекий предок сильно рисковал, засыпая глубоким сном в присутствии своих близких. Вдруг те решили бы его «обезвредить»? «Ни сна, ни отдыха измученной душе». Это маловероятно и, главное, невыгодно с эволюционной точки зрения. И сон, и смерть были слишком повседневными явлениями, чтобы вызывать столь сильный страх. Скорее всего, жизнь, смерть, сон изначально воспринимались как нечто неразрывное, как некое «путешествие туда и обратно».

«Сон разума», сумасшествие или состояние временного безумия под воздействием психотропных средств также расценивались окружающими как свидетельство контакта со сверхъестественными силами. Безумцы могли находиться «вне общества», а могли, напротив, вызывать не только опаску, но почет и уважение. В состоянии безумия, как и во сне, можно было якобы достичь царства мертвых, оказавшись вне повседневного мира. Так у древних людей появилось представление о символической смерти – не менее серьезной, чем настоящая.

И наоборот – смерть воспринималась как «вечный сон». Следы такого восприятия видны уже в попытках европейских неандертальцев придать усопшему позу спящего. Как подчеркивал российский ученый Ю. А. Смирнов, под голову неандертальца Ле Мустье 1 была подложена «подушка» из каменных отщепов, и голова неандертальца из Ле-Шапель-о-Сен тоже покоилась на камнях.

Нервная деятельность столь сложно организованного биологического объекта, как человек, имеет обратную сторону медали – это стабильная возможность сбоя, которая вызывает разнообразные неврозы. Как образно заметил Карл Юнг, «за фасадом любого разумно организованного явления скрывается изнасилованная разумом природа, в мстительном ожидании подкарауливающая момент, когда не выдержит препятствующее ей ограждение и, сминая все на своем пути, она ринется в данный сознанию мир».

Любопытная закономерность: чем сильнее выражена одаренность личности, тем больше шансов для возникновения нервного срыва (Рис. 4). Психиатры определяют неврозы как заболевания нервной системы с неизвестной патологоанатомической основой, то есть без органических поражений. Некоторые исследователи относят к неврозам все обратимые нарушения высшей нервной деятельности различного происхождения. Другие авторы пользуются термином «невроз» лишь для обозначения болезней, возникших под действием психической травмы.

Рис. 4. Франсиско Гойя. «Сон разума рождает чудовищ». 1797–1799

Такая травма не только может стать причиной легких обратимых нарушений работы сердца и сосудов, но даже привести к смерти. При сильном страхе, который представляет собой, с точки зрения медицины, шоковую психическую травму, в кровь поступает большое количество катехоламинов, вызывающих остановку сердечной деятельности.

Классический пример – так называемая вуду-смерть, распространенная среди аборигенов Австралии и Африки. Она может наступить как мгновенно, так и некоторое время спу-

стя, в момент, когда человек сам ждет ее прихода. К примеру, предсказал колдун: «Ты завтра умрешь» – и несчастный погибает. Верно и обратное: если шаман пообещает тяжелобольному: «Ты будешь жить!» – тот, скорее всего, поправится...

Известны случаи, когда здоровые люди умирали после нарушения важного запрета (табу). Даже в современной медицинской практике неосторожная шутка врача или необоснованная вера пациента в некое физическое явление, якобы связанное с его жизнью, приводили вполне здоровых людей к внезапной гибели. В рассказе О'Генри девушка готовится умереть, когда с дерева облетит последний лист. Ее спасает художник, нарисовавший тот самый «роковой» лист на оконном стекле...

Источники так называемых «худых примет» кроются в беспричинных страхах, боязни несчастий, в разнообразных чувствах вроде беспокойства, подозрительности, уныния и тоски. Особенность нашей психики такова, что лучше всего запоминаются те события, после которых последовали неприятности. События, после которых ничего не случилось, благополучно забываются.

Для сегодняшних представителей традиционных культур, и тем более для носителей культур археологических, мироощущение определялось мифологическим мышлением. С вершины рационализма XVII века философ Спиноза мог писать, что человек создает множество выдумок и толкует природу столь удивительно, как будто она безумствует заодно с ним. Сейчас мы вправе утверждать, что вера в сверхъестественные силы, порождающая иррационализм мышления, во многом обусловлена физиологическими особенностями, присущими человеческому виду.

Знаменитый швейцарский психиатр Карл Густав Юнг называл мифологию коллективной психикой. Он ввел в научный оборот понятие коллективного бессознательного как унаследованной всем человечеством психической системы, состоящей из древних форм, архетипов. Кроме личного опыта, в психике человека присутствуют вездесущие представления. Юнг отождествляет архетипы с мотивами, которые явно прослеживаются в мифологии. «Поскольку мы посредством нашего бессознательного разделяем участь нашей исторической коллективной психики, то бессознательно, конечно же, мы живем в мире оборотней, демонов, колдунов и т. д.; потому что это те вещи, которые в седые времена заполняли нас и вызывали мощнейшие аффекты». Классики психоанализа признавали иррациональность человека необходимой функцией его психической реальности.

В Древнем мире способности по управлению сознанием и поведением были развиты не менее, если не более, чем в современных индустриальных обществах. В этом смысле религия служила мощным средством в плане «укрощения» людей, выполняя роль своеобразного предупредителя неврозов, хотя иногда и вызывала к жизни обратные явления типа массовой истерии. По Юнгу, с незапамятных времен человек знает об опасности, таящейся в его душе. Именно поэтому религиозные либо мистические обычаи столь необходимы ему: они помогают уберечь себя от этой опасности или хотя бы сгладить ущерб, нанесенный психике. Вот почему камлание шамана, молитвенные обращения к «высшим силам» почти всегда удачно корректируют психоэмоциональное состояние участников обрядов.

Для сравнения: современные врачебные методики групповых занятий по регуляции психики включают упражнения, связанные с релаксацией, достижением измененного состояния сознания, которые направлены на развитие навыков в создании мысленных зрительных образов. Опираясь на чисто формальные аналогии, нетрудно заметить, что вхождение шамана в транс с целью вызвать определенные видения слишком уж напоминает психотерапевтические приемы.

В нервных клетках больших полушарий головного мозга чередуются два противоположных состояния: возбуждение (деятельное состояние) и торможение. Физиологический механизм религиозных переживаний соотносится с образованием застойного очага возбуждения в

коре головного мозга. Суеверия – сильные раздражители из-за связи с чувствами, поскольку гнездятся не в сознании, а в области подсознательного.

Люди использовали множество защитных манипуляций, способных, по их мнению, приостановить опасное влияние сверхъестественных сил. С позиций беспристрастного разбора психологии суеверий эта инстинктивная защита для преодоления страха представляет собой отвлекающее действие, при котором в коре головного мозга создается новый очаг возбуждения и разрушается старый.

Итак, психологической защитой социума служила обрядность.

Жизнь человека традиционного общества строго делилась на разные социально-ролевые отрезки, совпадавшие с основными биологическими стадиями его индивидуального развития: раннее детство, отрочество, зрелость. Каждый из этих периодов имел четко выраженные психологические особенности. Поэтому неудивительно, что ритуальный переход из одной возрастной или социальной группы в другую отождествлялся с неким подобием смерти, стало быть, и с возрождением в новом качестве (подростковая инициация, брак). Момент перехода был сопряжен с испытанием, иногда болезненным и опасным. По мнению выдающегося ученого В. Я. Проппа, эти жестокости должны были «отшибить ум». Сопровождаясь голодом, жаждой, темнотой, ужасом, принятием различных психотропных средств, они вызывали у посвящаемого временное безумие.

Расселение представителей рода *Ното* в период его эволюционного становления связано с освоением горного и холмистого ландшафта (ближневосточные протокрманьонцы группы Схул-Кафзех, европейские питекантропы, неандертальцы, большинство западно- и центральноевропейских кроманьонцев). Считается, что длительное проживание в пещерах оставило свой отпечаток в психике современного человека. В психоанализе пещера олицетворяет скрытые желания и содержимое подсознания. Вместе с тем как символ убежища, укрытия, материнской утробы, рождения и центра мироздания пещера занимает важное место в мифах и обрядах инициации, олицетворяя место средоточия жизнотворных сил земли.

В пещере человек находил защиту во время сна, в том числе и вечного, в ожидании нового рождения. Как отмечает археолог Ю. А. Смирнов, даже у неандертальцев, в эпоху мустье, пещера выполняла все главные функции жилища: продолжение рода, устройство сна-смерти и хозяйственная деятельность. По мнению Г. Г. Ершовой, от периода освоения пещер в качестве жилища и обиталища кровных предков у некоторых народов Мезоамерики остались представления о связи этих мест с размножением – об этом свидетельствуют настенные росписи, выполненные ольмеками и майя. Индейцы майя-киче отправляли бесплодную супружескую пару пожить какое-то время в пещере, чтобы к ним прибывала производительная сила.

Возможно, неслучайно греческая античная философия смотрела на пещеру как на метафору всего материального мира. По Платону, человеческий разум как бы заключен в пещеру и видит только иллюзии, отражающие реальный мир, достичь который могут только воображение и дух. По мере развития древних цивилизаций и с возникновением феномена государственности архаический пещерный образ подменяется близким по смыслу символом лабиринта. В основных религиях преодоление лабиринта имеет психологическое значение, ассоциируемое с инициацией (просветлением), условным возвращением в материнское лоно, с переходом через смерть к возрождению, с открытием духовного центра, с напряженным, иногда тупиковым процессом самопознания.

Коллективное бессознательное – это нечто вроде осадка опыта и, одновременно сложившийся еще в глубокой древности, изначальный образ мира. Уже упоминалось, что в этом образе выделяются черты, названные швейцарским психотерапевтом архетипами или доминантами. Одним из наиболее распространенных архетипов, по Юнгу, служит образ колдовского демона, «тип примитивного племенного колдуна или знахаря, особо одаренной лично-

сти, которая заряжена магической силой». Поскольку прогресс исторического развития – это коллективное радение при высокой степени бессознательности индивида, «заурядному человеку всегда представлялось диковинным, что некто вместо проторенных путей и известных целей предпочитает крутую и узкую тропу, которая ведет в неизвестное. Поэтому такого человека всегда почитали если не помешанным, то одержимым демоном или богом».

Дж. Фрэзер писал в своей знаменитой книге «Золотая ветвь», что институт «священных царей», достигший своего наивысшего расцвета в древних монархиях Перу и Египта, берет начало в прослойке колдунов или знахарей, находившихся на общественной службе. Колдуны и знахари образуют самый древний класс профессионалов в истории общества. «Люди ошибочно приняли порядок своих идей за порядок природных явлений: они вообразили, что им дозволено управлять предметами, подобно тому как они управляют своими мыслями».

Другой важнейший архетип, выделенный К. Юнгом, получил название «тень». Это скрытые черты личности, порой мрачные и демонические. К «тени» очень близок трикстер, то есть мифологический плут, воплощающий хаос и бессознательное. Это своеобразный двойник и альтернатива культурному герою, несущему людям мировой порядок. В пантеоне языческих богов часто появляется «паршивая овца», способная нарушить стройный порядок мироздания, «сыграть на руку» темным силам, а иногда просто «неудачно пошутить». Например, в скандинавской мифологии таков Локи, противопоставляющий себя обитателям Асгарда.

Авторитетнейший специалист по мифологии Е. М. Мелетинский проследил историческую эволюцию трикстера к хитрецам-обманщикам, плутам и шутам в поздней литературной традиции. По-видимому, стойкость этого архетипа – иногда ловкого вора, иногда глупца – должна свидетельствовать о постоянном интересе человечества к природе существа, способного нарушить элементарные логические законы и действовать в стихии абсурда. Ведь, по сути дела, логика и абсурд, рацию и бессознательное уживаются в каждом человеке.

Выступая на годичном собрании Императорской военно-медицинской академии в 1897 г., В. М. Бехтерев говорил о роли внушения в общественной жизни. Предвосхитив постулаты современного психоанализа, великий русский ученый отделил путь логического убеждения, воздействующий на личное сознание при посредстве обдумывания и осмысленной переработки, и внушение, проникающее в психическую сферу помимо личного сознания, ведущее «непосредственно во внутренние покои нашей души». Внушение действует на психическую сферу другого лица благодаря увлекательной и эмоциональной речи, уговорам, жестам и мимике, его пути более разнообразны по сравнению с логическим убеждением. Бехтерев рассматривал внушение как «психическую заразу» и показал, что намеренное прививание тех или иных психических состояний происходит в особом состоянии сознания, подобном гипнозу, являющемся не чем иным, как искусственно вызванным видоизменением нормального сна. По Бехтереву, внушение – важный социальный фактор, игравший видную роль не только в жизни каждого отдельного лица и его воспитании, но и в судьбе целых народов. Сейчас экспериментально показано, что особые состояния сознания, открывающие путь для внушения (гипноз, аутогипноз), связаны с повышением активности правого полушария мозга (играющего ключевую роль в организации бессознательного психического) и с ограничением логического мышления и сознания, основанных на функциональных возможностях левого полушария.

По словам физиолога В. В. Аршавского, момент выделения человека разумного из животной среды как раз связан с возникновением специализации правого и левого полушария головного мозга. Логико-знаковое мышление оказалось закреплено за левой гемисферой, а правая перестраивалась в направлении, обеспечивавшем возникновение творческой деятельности. Получается, что способность к внушению возрастала по мере проявления специфических человеческих черт.

Для изменения сознания и управления поведением в историческом прошлом часто использовались средства растительного происхождения. Здесь необходимо упомянуть работы

немецкого ученого Х. Лейнера, который рассмотрел проблему бытования «токсического экстаза в субарктическом и европейском пространстве» и описал случаи применения растений в магических целях в Европе и Азии.

Он выделил несколько основных психотропных препаратов: 1) разновидность мухомора – «гриба, вызывающего состояние полета» – употреблявшегося в Скандинавии берсерками, в Арктике и Субарктике шаманами, в греческих мистериях; 2) гашиш; 3) психофармакологические составы средневековых ведьм.

Для характеристики действия галлюциногенных грибов Х. Лейнер обратился к примерам из врачебной практики. Клиническая картина тяжелого отравления этими грибами: через три часа – диарея, интенсивное потоотделение, «смутное» состояние. После двухчасового сна развивалась картина психоза – возбуждение, разрушительные действия, бессмысленная речь, разнообразные религиозные видения и галлюцинации. Врачи и медицинские сестры воспринимались как Христос и сатана, и т. п. Через 20 часов действие грибов ослабевало. Моторное возбуждение уступало место общему упадку, через 30 часов силы пациента восстанавливались.

Берсерки. Так называли мужчин, которые в определенное время «превращались в диких зверей», их силы удваивались, они не ощущали боли. Все человеческие чувства и сознание на время отступали.

Отчетливо проступает связь берсерков с древним дохристианским шаманизмом, тем более что «*ber sark*» означает медвежью шкуру. Так же неслучайно пристрастие берсеркеров примыкать к мужским военным союзам. Они охотно объединялись в группы по двое, по пять человек, вплоть до 12. Впадая в состояние иступления, берсерки стучали зубами, ощущая сперва холод, у них менялся цвет лица. Затем наступала стадия бессмысленной ярости: берсерки кусали края своих щитов, нападали на каждого, не различая друзей и врагов. На смену этому состоянию, продолжавшемуся почти целый день, приходили слабость и апатия. Характерно, что берсерки исчезли в XII в., после того как они три столетия существенным образом влияли на социальную и политическую жизнь викингов. Это произошло после того, как в 1013 г. в Норвегии они были приговорены к изгнанию наравне с разбойниками. В 1123 г. в христианском своде законов Исландии звучит: «Если кто пойдет как берсеркер, будет он наказан тремя годами изгнания. Мужчины, которые с ним заодно, также будут изгнаны, если они ему не помешали».

Шаманы. Грибы использовались, к примеру, коренным населением Камчатского полуострова для достижения экстатического состояния. Сходных обрядов придерживались остяки, самоеды, тунгусы, якуты, юкагиры, чукчи и коряки. Есть все основания предполагать употребление галлюциногенных грибов угрскими народами.

Греческие мистерии. Высказывается предположение, что нектар, амброзия – пища богов – содержали сок свежих галлюциногенных грибов. Это, в принципе, соотносится с описанием свиты Дионисия, когда менады, пьяные от вина или священного напитка, способны разрывать на части зверей и детей.

Гашиш. Геродот сообщает в своей четвертой книге об употреблении этого наркотика скифами. Плиний писал о том, что бактрийцы добавляли в вино *Celotophyllus*. Дикая конопля растет на обширных просторах Прикаспия и Приаралья.

Култ хаомы (сомы). Как параллель берсеркерам в зороастрийском культурно-историческом пространстве тоже возникают мужские союзы. Их воины и «двуногие волки» похищают скот и состоят в союзе с ведьмами и чародеями. Они применяют черную магию, пьют на ночь напиток *Наома* и знают язык оракулов, которые служат злему богу, злой стороне Митры.

Кошмары ведьм. В историческое время магическое применение галлюциногенных средств связано с существованием «черного культа» ведьм. В состав ведьминского зелья, например, входила белладонна.

В добавление к психотропным веществам, рассмотренным в работе Лейнера, можно, по-видимому, добавить «эликсир забвения», упоминающийся в ирландских сагах. По-видимому, кельтские друиды умели изготавливать на растительной основе напитков, вызывавший крепкий сон и потерю памяти.

Но вернемся к теме нашей книги. Трепанационную активность древних хирургов следует рассматривать в неразрывном единстве с общими действиями магическо-терапевтического свойства, основанными на физиологической тяге человека изменять свое сознание. В основе попыток воздействия на психику человека лежали интуитивные наблюдения и богатые эмпирические знания о природных компонентах растительного происхождения. Случаи черепного травматизма, возможно, дали когда-то толчок наблюдениям за измененным поведением выживших после ранений соплеменников. Не исключено, что такие несчастья воспринимались как примеры «божественного безумия». Подобную возможность обсуждал, в частности, германский антрополог Ханс Гримм, описавший последствия вдавленного перелома лобной кости у мужчины эпохи бронзы из Заушвитца. Ранение, даже после поверхностного заживления костных краев, неизбежно должно было вызвать неконтролируемую речь и другие странности в поведении.

Согласно клиническим данным, изменения личности могут быть различными в зависимости от того, какое из полушарий больше повреждено и какие отделы каждого из полушарий обнаруживают наибольшую дисфункцию. При поражении левого полушария мозга врачи отмечают повышенную тревожность, напряженность, раздражительность, возможна депрессивная окраска настроения. Такие личностные изменения более характерны для повреждения височной доли и задних отделов левого полушария. При изолированном повреждении лобного отдела на первое место выходит нарушение инициативного начала в поведении. Больные часами остаются безучастными ко всему, немногословны, могут на полпути оставить ответ, если их дополнительно не стимулировать к разговору.

Когда задето правое полушарие, больные обычно благодушны, малокритичны или игнорируют дефекты в своем состоянии. При поражении лобной доли особо характерна эйфория, многоречивость. Больные с травмой задних отделов полушария расслаблены и безразличны к своему состоянию, их эмоциональные переживания монотонны, у них преобладает благодушный фон настроения. Несомненно, последствия лоботомий, наблюдаемые в древности, необходимо рассматривать и с позиций последующего изменения поведенческих реакций, ведь изменения личности возможны даже после легких черепно-мозговых травм и проявляются в упрощении самооценки, обеднении эмоциональных переживаний, снижении произвольности и инициативы в поведении.

Английский профессор Дональд Бротвелл отметил, что чаще отверстия на древних черепах локализованы с левой стороны. Возможно, это связано также с большей частотой встречаемости предшествовавших ранений слева (по-видимому, с более частой праворукостью нападавших – М. М.). По его мнению, в первую очередь подвергалась операции лобная кость, потом теменные и совсем редко трепанировалась затылочная кость. По уточненным данным, чаще всего трепанационные отверстия можно встретить на теменных костях, на втором месте – область лба, значительно реже воздействию подвергались затылочная и височная кости.

Позднее Д. Бротвелл пришел к заключению, что выбор участка черепа для проведения краниотомии, по-видимому, был связан не с травмами, а с определенными культурными традициями. Он отметил, что операции в доисторической Чехословакии и Дании затрагивали преимущественно лобную кость. По этнографическим сведениям, аборигены Меланезии также трепанируют детей только в области лба.

Немецкие ученые Г. Ульрих и Ф. Вайкманн тоже обнаружили, что следы операций и дырчатые переломы встречались в разных участках головы. Трепанации производились на лобной

кости слева или в центральной части теменных костей, тогда как травмировалась чаще затылочная. Во-первых, это значит, что люди, совершавшие краниотомии, подчинялись строгим правилам. Во-вторых, локализация травм у воинственных германцев эпох неолита и бронзы, опровергает причинно-следственную связь между ранениями головы и трепанациями.

Как наиболее радикальное средство трепанирование могло не только преследовать цель непосредственного лечения травмы, но и устранять «неправильное» поведение больного или способствовать появлению новых свойств и качеств у здорового, но специально избранного по каким-то причинам человека.

При этом нам надо учитывать: в древности уже знали, что ни размеры, ни форма головы не оказывают существенного влияния на мыслительные процессы (кроме случаев гидроцефалии).

Например, Плутарх сообщал о необычной форме головы Перикла – одного из умнейших людей своего времени, которого жители Афин называли «луковой головой». Чтобы скрыть эту особенность, греческий мыслитель якобы постоянно носил специальный шлем (Рис. 5). Другой пример – великий гуманист эпохи Возрождения Эразм Роттердамский, скончавшийся в 1536 г. в Базеле. Швейцарский профессор Вертеманн, исследовавший череп Эразма, был поражен малыми размерами мозговой капсулы, емкость которой составляла только 1255 куб. см, а вычисленная масса мозга – 1160 г (средний вес головного мозга европейских мужчин равен 1360–1400 г) (Рис. 6).

Рис. 5. Мраморный бюст изображает Перикла в шлеме, возможно, скрывающем «заостренную» форму его головы. Римская копия с греческого оригинала. Британский Музей, Лондон.

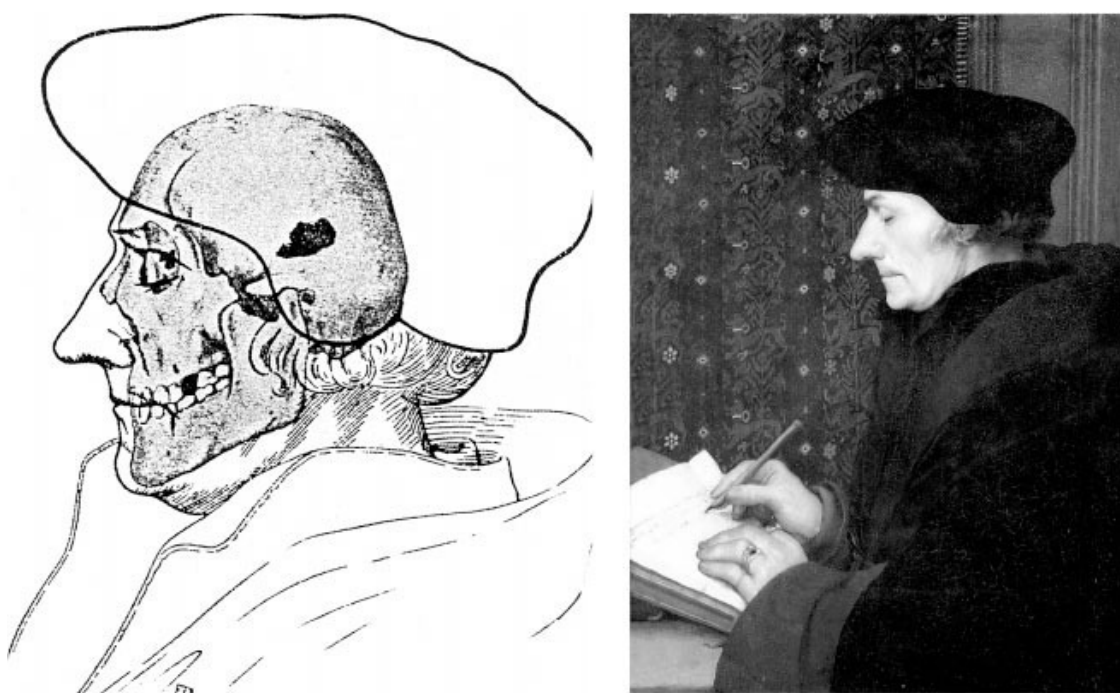

Рис. 6. Облик Эразма Роттердамского известен потомкам, благодаря портрету кисти Ганса Гольбейна младшего. Профессор Вертеманн попробовал «вписать» череп Эразма в контуры картины. Любопытно, что маленькую голову маскирует огромный берет.

Хотя эгоизм способствует выживанию индивида, специфика эволюционного развития человечества такова, что естественный отбор был в большой степени направлен на развитие самоотверженности, альтруизма, коллективизма и жертвенности. Род, не обладавший инстинктами коллективной защиты потомства и всей группы, был обречен на вымирание. Заметим в скобках, что альтруизм свойственен нам и сейчас. Социологическое исследование московских нищих, проведенное группой антрополога М. Л. Бутовской, показало, что больше всего подаяния получают женщины с детьми. Такое поведение нам понятно, но вот другая сторона древнего альтруизма выглядит сейчас довольно мрачно.

Чтобы лучше узнать наших предков, нельзя избежать знакомства с историей жертвоприношений.

В археологии есть область, иногда называемая «археологией смерти и погребального обряда». Ученые раскапывают древние погребения. Нередко они сталкиваются со сложными сооружениями, предназначенными для покойного, находят оружие, украшения, даже посуду с едой. Все эти вещи были призваны сопровождать ушедшего в загробный мир. Чем богаче и влиятельнее был человек при жизни, тем больше предметов помещали в его могилу. Но иногда вместе с останками «главного» погребенного находят скелеты домашних животных и даже других людей, причем с признаками насильственной смерти. Тогда возникает тема человеческих жертвоприношений.

Классический пример – описанное средневековым арабским путешественником ибн Фадланом убийство «славянской девушки» русами на похоронах господина – подтверждается раскопками погребений викингов. Захоронение «королевы» из Осеберга в Норвегии сопровождалось погребением пожилой женщины, возможно рабыни.

В Дании на кладбище в Стенгаде поверх деревянной погребальной камеры с основным захоронением были найдены останки обезглавленного мужчины в железных наручниках. На кладбище в Лейре также вскрыто погребение обезглавленного мужчины, руки которого, похоже, были связаны. Сходная практика прослеживается в Британии шестого и седьмого веков нашей эры.

Человеческие жертвоприношения часто истолковывают как проявление примитивной агрессии. Дескать, наши предки были кровожаднее нас. Но все же большинство ученых относится к этому явлению иначе – как к обмену между живущими и сверхъестественными силами, дару или подношению самого ценного, что люди могут пожертвовать богам – самой жизни – в ожидании ответных благодеяний для социума.

Трудно провести разграничительную линию между избиением жертв войны, наказанием преступников и альтруистическим самопожертвованием. По мнению Э. Дюркгейма, альтруистическое самоубийство является следствием недостаточно развитой индивидуальности. Альтруистический суицид рассматривается как примета «обществ низшего порядка». Человек кончает с собой из общественных соображений. «В той среде, где властвует альтруистическое самоубийство, человек всегда готов пожертвовать своей жизнью, но зато он так же мало дорожит и жизнью других людей».

Иной точки зрения придерживался выдающийся российский генетик В. П. Эфроимсон: в наследственной природе человека заложено нечто такое, что вечно влечет его к справедливости, к подвигам, к самоотвержению. Под названием «альтруизм», «совесть» Эфроимсон понимал всю ту группу эмоций, которая побуждает человека совершать поступки, лично ему невыгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям. Комплекс этических эмоций и инстинктов, подхватываемых отбором в условиях той специфики существования, в которую заводило человечество увеличение лобных долей головного мозга, оказывается очень сложным, а многие противоестественные виды поведения – совершенно естественными и наследственно закрепленными. По мнению американского эволюциониста Добжанского, возникавшие этические нормы при некоторых условиях могли действовать вопреки интересам отдельных людей, но помогали (или считалось, что помогают) группе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.